

И. В. Астэр, священник Артемий Денискин

Организационно-правовое регулирование социальной деятельности православных учреждений в России XVIII — начала XX вв.

УДК 364(470+571)(091)+271.2-4-9:322(091)
DOI 10.47132/1814-5574_2025_1_90
EDN VUBEOJ

Аннотация: Помощь неимущим, милосердие и благотворительность занимали видное место в общественной и духовной жизни России еще до периода, рассматриваемого в данной статье. Нуждающийся в милости был для древнерусского человека одним из главных «лекарственных средств» для духовного исцеления, на что особо указывала Православная Церковь, объединяя идеей любви к ближнему весь русский народ — князей, духовенство, купцов и крестьян. Однако до XVIII столетия традиции христианского нищелюбия имели стихийный характер социальной помощи населению, специальные регуляторы благотворительной деятельности отсутствовали. Поэтому для обстоятельного анализа авторы выбрали период с 1700 по 1917 годы — время зарождения юридических норм и социальных регуляторов деятельности организаций, ориентированных на помощь ближнему, а также становления системы государственного социального обеспечения. Цель данной статьи — исторический анализ организационно-правового регулирования дореволюционной российской церковной социальной деятельности. В фокусе внимания авторов не только собственная социально ориентированная деятельность специальных объединений, учрежденных Православной Церковью в России и функционирующих на базе приходов и монастырей (братств, сестричеств, богаделен, больниц, бесплатных столовых и др.), но и практика церковного окормления государственных социальных организаций, то есть опыт взаимодействия Церкви и государства в деле общественного призрения.

Ключевые слова: социальное служение, благотворительная деятельность, Русская Православная Церковь, попечительства, братства, церковные учреждения, организационно-правовое регулирование, законные акты.

Об авторах: **Ирина Валериевна Астэр**

Кандидат философских наук, доцент Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доцент Санкт-Петербургской духовной академии.
E-mail: iaster@inbox.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2350-9382>

Священник Артем Игоревич Денискин

Магистр богословия, старший преподаватель Вологодской духовной семинарии.
E-mail: Deniskin.artem@ya.ru ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-8657-7806>

Для цитирования: Астэр И. В., Денискин А., свящ. Организационно-правовое регулирование социальной деятельности православных учреждений в России XVIII — начала XX вв. // Христианское чтение. 2025. № 1. С. 90–100.

Статья поступила в редакцию 02.08.2024; одобрена после рецензирования 04.09.2024; принята к публикации 29.09.2024.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE [Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 1

2025

Irina V. Aster, priest Artemiy Deniskin

Organizational and Legal Regulation of Social Activities of Orthodox Institutions in Russia in 18th – Early 20th Centuries

UDK 364(470+571)(091)+271.2-4-9:322(091)
DOI 10.47132/1814-5574_2025_1_90
EDN VUBEOJ

Abstract: Assistance to the poor, mercy and charity were significant constituents of social and spiritual life of Russia even before the period considered in the article. A person in need of mercy was one of the main remedies of spiritual healing for any Old Russian person, which was especially emphasized by the Orthodox Church uniting all Russian people –princes, clergy, merchants and peasants – with the idea of love for people. However, until the 18th century the traditions of Christian love-of-the-poor formed spontaneous nature of social assistance to the population; there were no special regulators of charitable activities. The period from 1700 to 1917 is chosen for a thorough analysis for a reason: it was the time when legal norms and social regulators for organizations aimed at helping others started to emerge, and it was also the time when the state social security system started to develop. The purpose of the article is to present a historical analysis of the organizational and legal regulation of the pre-revolutionary social activities of the Russian Church. The study focuses not only on the private socially oriented activities of special associations created by the Orthodox Church in Russia and operating on the basis of parishes and monasteries (brotherhoods, sisterhoods, almshouses, hospitals, charity canteens, etc.), but also on the practice of church care for state social organizations, that is, the experience of interaction between the Church and the state in the sphere of public charity.

Keywords: social service, charity, Russian Orthodox Church, guardianship, brotherhoods, church institutions, organizational and legal regulation, legal acts.

About the authors: **Irina Valerievna Aster**

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor at the A. I. Herzen State Pedagogical University of Russia, Associate Professor at the St. Petersburg Theological Academy.

E-mail: iaster@inbox.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2350-9382>

Priest Artyom Igorevich Deniskin

Master of Theology, Senior Lecturer at the Vologda Theological Seminary.

E-mail: Deniskin.artem@ya.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-8657-7806>

For citation: Aster I. V., Deniskin A., priest. Organizational and Legal Regulation of Social Activities of Orthodox Institutions in Russia in 18th – Early 20th Centuries. *Khristianskoye Chteniye*, 2025, no. 1, pp. 90–100.

The article was submitted 02.08.2024; approved after reviewing 04.09.2024; accepted for publication 29.09.2024.

Фактически с самого появления на Руси христианской системы ценностей духовно-нравственное воспитание народа в любви к ближнему своему — важная составляющая деятельности Православной Церкви. В русском обществе из поколения в поколение передавались традиции нищелюбия. Накормить голодного, обогреть сироту, приютить странника было делом каждого, чему также способствовало отсутствие до XVIII в. благотворительности в сфере государственной ответственности. Всю общественную благотворительность окормляла Церковь — как словом, так и делом. Именно в монастырях и приходах появились первые бесплатные больницы и приюты для всех нуждающихся. Однако начиная с XVI в. (со времен Стоглавого Собора) русские общественные деятели утвердились в понимании необходимости пересмотра сложившейся системы благотворительности, стало ясно, что простая раздача милостыни чаще всего лишь усугубляет тяжелую социальную ситуацию нуждающихся и приумножает бедность. Впрочем, прошло 150 лет, прежде чем в 1700 г. Петр I издал указ об устройстве богаделен во всех губерниях России. С правления Петра I начинается период становления системы общественного призрения и, по сути, формируется профессиональное отношение к делам милосердия.

Поэтому мы и выбрали для исследования период XVIII — нач. XX вв.: как время становления государственного социального обеспечения и зарождения профессиональной социальной деятельности в организациях — субъектах системы общественного призрения. Изучение документов данного исторического периода позволяет с уверенностью сказать, что в современной России, в общих чертах, функционирует та же система социальной поддержки населения, что была заложена Петром I и развита последующими русскими правителями (особо отметим роль Екатерины II в создании структуры системы общественного призрения).

К тому же социально-правовая основа деятельности общественных организаций разного типа является закономерным следствием исторического развития. Регулирование деятельности церковных учреждений (в первую очередь нас будут интересовать социально ориентированные объединения) не является исключением. Безусловно, в современных российских условиях совершенно иная законодательная база и церковно-политическая ситуация, поэтому изучение опыта дореволюционного социально-правового регулирования нам представляется важным не ради прямого заимствования (что просто невозможно), но в рамках ознакомления с успешным опытом реализации церковных социальных проектов в истории Русской Православной Церкви.

Итак, в период значительных реформ, 8 июня 1701 г., был издан указ, который стал основой для создания различных социальных церковных учреждений в новых организационно-правовых рамках. В указе предписывалось: «в домовых Святейшего Патриарха богадельнях нищим быть, больным и престарелым, которые не могут ходить для собирания милостыни, а для десяти человек больных быть в богадельне одному человеку здоровому, который бы за теми ходил и всякое им вспоможение чинил. А больных в богадельнях велеть лечить, и для того учинить особых лекарей и давать тем лекарям кормовые деньги и покупать лекарства из Патриаршей домовой казны» (Указ именной, 1701, 168). Как видим, документ, подготовленный по велению императора Петра I, накладывает определенные обязательства на церковные богадельни, структурируя работу в них.

С упразднением института патриаршества и учреждением Святейшего Правительствующего Синода 25 января 1721 г. появилась нужда в новых уставных документах. Таким актом стал «Духовный регламент», составленный в том же 1721 г. вице-президентом, а затем первенствующим членом Св. Синода Феофаном (Прокоповичем), архиепископом Псковским.

Согласно указанному документу в сферу церковной опеки входит не только духовенство, но также преподаватели и воспитанники училищных домов [Феофан Прокопович, 1721]. В том же документе при перечислении обязанностей епископов, в частности в п. 9, указывается следующее: «9) Вельми ко исправлению церкви полезно есть

сие, чтоб всяк Епископ имел в доме, или при доме своем школу для детей священнических, или и прочих, в надежду священства определенных. А в школе той был учитель умный и честный, который бы детей учил не только чисто, ясно и точно в книгах честь (что хотя нужно, обаче еще недовольное дело), но учил бы честь и разуметь. И если мощно и наизусть читать две вышеупомянутыя книжицы: одну о догматах веры; а другую о должностях всяких чинов, когда таковыя книжицы изданы будут» [Феофан Прокопович, 1721].

Приведенный фрагмент свидетельствует об общей тенденции рассматриваемой эпохи, выразившейся в принципе обязательства по отношению к социальной деятельности Церкви. Образовательная сфера стала одним из официально утвержденных направлений церковного служения. В дальнейшем патронат государства над церковной деятельностью только усиливался, что выразилось, в частности, в учреждении в 1721 г. на основе бывшего Монастырского приказа особого отдела по делам общественного призрения, который непосредственно подчинялся Св. Синоду. Возглавил данное учреждение бывший московский вице-губернатор В. С. Ершов. В компетенции указанного органа входили обязанности по распределению отставных солдат и офицеров, нуждающихся в опеке, и психически нездоровых людей по монастырям; определение нищих и больных по богадельням, выплата военным пособий по инвалидности. Согласно изданному в январе 1724 г. указу Петра I «О звании монашеском, об определении в монастыри отставных солдат и об учреждении семинарии и госпиталей», монастыри должны были содержать больницы для «солдат отставных, которые трудиться не могут и прочих прямых нищих», а женские монастыри дополнительно должны были принимать «сирот обоего пола» [Законодательство Петра I, 2014, 428–429]. В целом до правления императрицы Екатерины II государство стремилось вменить монастырям функцию попечения о больных, инвалидах и сиротах. Однако только богатые монастыри могли самостоятельно собрать необходимые средства на создание крупных больниц и других общественных учреждений.

После провозглашения Екатериной II Манифеста от 26 февраля 1764 г. о переходе церковных владений в государственную собственность монастыри, лишённые своего земельного ресурса, начали массово закрываться. Большую часть монастырей закрыл Св. Синод, основываясь на Манифесте, разделившем все монастыри на штатные, заштатные и не вошедшие в эти две категории. Как итог, из 954 монастырей, зарегистрированных в Российской империи на 1 января 1762 г., к 1765 г. осталось только 387 (226 штатных и 161 заштатный) (см.: [Зверинский, 1887, 6–7]). Штатные монастыри получали от государства денежные средства на содержание монахов и небольшое количество земельных угодий (6–9 десятин) (см.: [Милютин, 1862, 567]), которые должны были обрабатывать самостоятельно, заштатные существовали главным образом за счет дохода, получаемого от паломников. Дополнительно (указом Св. Синода от 17 мая 1793 г.) государство оплачивало содержание в первоклассных монастырях больниц на 5 человек, а в тех епархиях, где таковых монастырей не было, повелевало «учредить, на тех же основаниях... по одной больнице, в способных к тому, по усмотрению епархиальных архиереев, штатных мужских монастырях, или при архиерейских домах» [Беликов, 1875, 751]. Также предписывалось при архиерейских домах в 26 епархиях открывать богадельни для лиц обоего пола с жалованием на каждого постояльца в 5 руб. в год. Количество в богадельнях «всяких разночинцев самых увечных и пропитания никакого не достать, а при том и родственников никого» могло составлять от 25 до 50 человек в соответствии со штатным регламентом архиерейских домов (Полное собрание постановлений и распоряжений: № 167, 1910, 192).

После правления Екатерины II, в 1-й пол. XIX в., монастыри увеличили свои земельные ресурсы (уже в период царствования Павла I в соответствии с указом от 18 декабря 1797 г. монастырям полагалось по 30 десятин выгодной земли, архиерейским домам — по 60 десятин) (ПСЗРИ 24, № 18273), что способствовало укреплению материально-технической базы обителей и благоприятным образом отражалось на монастырской благотворительной деятельности.

В 70-е гг. XIX в., в соответствии с рядом правительственных указов, вновь создаваемые монастыри стали обязаны на своих территориях открывать учреждения благотворительного и воспитательного характера. При этом особое внимание Св. Синода было обращено к женским обителям. Так, циркулярным указом от 28 января 1870 г. было определено «епархиальным начальствам усугубить свои попечения как о поддержании и развитии существующих при женских обителях школ, богаделен или больниц, так и об устройстве таковых там, где будет представляться к тому возможность» (Циркулярные указы, 1901, 95). И уже в своем отчете за 1870 г. обер-прокурор Св. Синода Д. Толстой отмечает, что в короткий срок «те из женских обителей, которые и прежде имели в своих стенах воспитательные учреждения, усилили свою попечительность о них, что выражалось или увеличением числа воспитываемых в них детей, или расширением их учебной программы. Другие поспешили вновь открыть воспитательно-благотворительные заведения, преимущественно для детей духовенства» (школы открыли в Харьковском Хорошевском, Пензенском Троицком монастырях, Нижне-ломовской общине) (Извлечение, 1872, 168–170).

Еще одним заметным социальным учреждением России стали женские общины — сообщества не постриженных в монашество, но живущих по монастырскому уставу девушек и женщин. Возникновение их происходило стихийно, «снизу», а своим появлением общинное движение обязано секуляризации церковных земель. Женщины нашли оригинальное решение в сложившейся ситуации и тем самым представили альтернативу привычным монастырям. В кон. XVIII в., благодаря усилиям наиболее активных монахинь, изгоняемых после закрытия их обителей, начали формироваться первые неформальные православные общины, которые напоминали монастыри, но были нацелены на активную жизнь в обществе. Монашеский пример в создании таких общин поддерживали и мирянки, получая ресурсы от соседних городов и деревень, которые искали духовной и социальной помощи. Эти общины редчайше отклонялись от общежительного устава и располагали лишь ограниченными средствами. Обычно их доход формировался от продажи собственных изделий. Совместная молитва постепенно стала основой для полноценного монастырского богослужения, а священники из близлежащих приходов служили Божественную литургию (см. об этом: [Астэр, 2009, 103]). Государство, не отягощенное финансовой поддержкой женских общин, приветствовало их становление. Уже по указу императрицы Екатерины II от 22 июля 1765 г. посвятившим себя уединенной жизни монахиням и белицам позволено было жить в упраздненном Болховском Рождественском монастыре «до их смерти, без казенного содержания» (Полное собрание постановлений и распоряжений: № 250, 1910, 293). Немаловажную роль в развитии женских общин сыграла даже не столько их социальная направленность (прежде чем вновь открыть монастырь, необходимо было организовать богадельню или странноприимный дом, только после расширения их деятельности сестры вводили устав и в дальнейшем могли получить право на открытие монастыря), сколько миссионерская и духовно-нравственная значимость в жизни общества¹.

В 1864 г., во время царствования императора Александра II, появилась новая форма церковного участия в социальной деятельности — возможность учреждения относительно автономных организаций локального уровня: приходских попечительств. Как представляется, в этот период государство было обеспокоено крайне низким уровнем активности в сфере общественного призрения (что, впрочем, явилось закономерным следствием многолетней политики ограничения деятельности Церкви как регулятора благотворительной деятельности). Сокращение финансирования и социального обеспечения церковных организаций, с одной стороны, и формирование системы государственной социальной поддержки — с другой стороны, стагнировали

¹ Начиная с правления Екатерины II государство отчетливо понимало, что социальную помощь населению оно вполне может предоставлять через свои институты, однако духовно-нравственные традиции важнее передавать через общественные структуры. И женские православные общины здесь играли важнейшую роль.

вовлеченность населения в дело общественного призрения. Духовенство, чье служение было поставлено в жесткие материально-административные рамки, зачастую не имело ресурсов для организации каких-либо церковных учреждений общественного призрения. Согласно «Положению о приходских попечительствах при православных церквях, Высочайше утвержденному 2 августа 1864 года»², в ведении таких учреждений, помимо обеспечения причта, находилась обязанность поиска средств для учреждения и содержания при приходе «школы, больницы, богадельни, приюта и других благотворительных заведений...» [Волчков, 1880, 196]. Указанные меры «Положения...» должны были способствовать увеличению активности как духовенства, так и его паствы в деле социального служения Церкви.

Помимо финансирования, попечительство должно было заботиться «вообще об оказании бедным людям прихода, в необходимых случаях, возможных пособий, также о погребении неимущих умерших и о содержании в порядке кладбищ» [Волчков, 1880, 196]. Однако непосредственная помощь на практике зачастую оказывалась нерегулярно и в исключительных случаях. Попечительства, как правило, оказывали поддержку социальным заведениям, предоставляя им деньги, необходимый инвентарь, топливо, продовольствие и пр. Несмотря на существующие сложности в организации и работе попечительств, их число увеличивалось сообразно с запросами общества. Так, по состоянию на 1907 г. по всей империи насчитывалось 20 045 попечительств, а общая сумма денежных пожертвований, собранных ими, составила 4 288 104 руб. 78 коп. (Всеподданнейший отчет, 1910, 108).

Правление попечительств вело определенного рода отчетную документацию и предоставляло ежегодные рапорты о своей работе епархиальному руководству — в духовные консистории на рассмотрение епархиальному архиерею. Источниками финансирования попечительств служили добровольные пожертвования прихожан, а также частных лиц через кружечные, тарелочные сборы, а также сборы по подписным листам и посредством выдаваемых правящим архиереем сборных книг. В основном, все взносы имели следующие назначения: 1) на содержание храма; 2) на содержание причта; 3) на обеспечение приходской школы и благотворительных заведений (богаделен, приютов и т.п.) (см.: [Волчков, 1880, 196]). Подобное положение свидетельствует о многогранности подхода к финансированию тех или иных церковно-благотворительных инициатив. Распределение материальных средств объясняется субъективным фактором: каким образом воспринимали свою деятельность участники того и иного попечительства.

В 1894 г., при содействии Министерства финансов, на территории Российской империи была организована сеть специальных учреждений, известных как «Попечительства о народной трезвости», которые входили в состав губернских и уездных комитетов и находились под контролем дворян и высшего духовенства. С введением 20 декабря 1894 г. винной монополии «Правила функционирования Попечительств о народной трезвости», утвердившиеся 19 апреля 1895 г., предоставили этим организациям значительные полномочия. Создавались курсы профессиональной подготовки, воскресные школы, «приюты для опьяневших», ночлежки и юридические консультации, открывались социальные столовые, чайные, библиотеки, организовывались творческие вечера, благотворительные концерты. Первые такие организации в сотрудничестве с различными медицинскими учреждениями занимались пропагандой трезвого образа жизни, издавая специальные просветительские материалы (листки, брошюры, книги, плакаты). Деятельность попечительств охватывала широкий спектр социальных инициатив, направленных на профилактику алкоголизма и реабилитацию лиц, страдающих алкогольной зависимостью. С целью контроля средств, поступающих на благотворительность, попечительства выпускали бонусы — талоны, квитанции или чеки для обмена на продукты питания или услуги в определенных лавках, чайных и магазинах, с владельцами

² На общецерковном уровне все указы и инициативы Св. Синода визировались верховной властью в лице императора, который издавал соответствующие распоряжения по духовному ведомству.

которых достигалась договоренность в данном вопросе. Но действовало ограничение: на боны невозможно было приобрести спиртные напитки.

Однако, по сути, приходские попечительства — это фонды по управлению денежными средствами, посреднические структуры, которые не занимались предоставлением непосредственной помощи нуждающимся. Как правило, данная прерогатива делегировалась ими церковным братствам, сестричествам и другим социальным учреждениям.

Рассмотрим церковные братства, деятельность которых регулировалась законом № 40863 от 8 мая 1864 г. «О правилах для учреждения Православных церковных братств». Согласно данному законодательному акту, «православными церковными братствами именуется общества, состоящие из Православных лиц разного звания и состояния, для служения нуждам и пользам Православной церкви, для противодействия посягательствам на ее права, со стороны иноверцев и раскольников, для созидания и украшения православных храмов, для дел Христианской благотворительности и для распространения и утверждения духовного просвещения» (ПСЗРИ 49, 1864). Итак, братства имели широкий круг функций — внутренняя и внешняя миссия, социальное служение, катехизация и просвещение. Братства издавали специальную литературу, переводили богослужебные тексты и пособия на языки малых коренных народов, организовывали собрания, музыкальные вечера, образовательные чтения, кружки по интересам и пр. К примеру, деятельность Серафимо-Завьяловского братства Томской губернии была направлена на борьбу с алкоголизмом и сквернословием, а спецификой Стефано-Прокопиевского братства из Великого Устюга была сугубая миссионерская направленность (братство занималось миссией среди автохтонного населения Яренского и Усть-Сысольского уездов — зырян).

Внутренняя и внешняя миссия братств опиралась главным образом на документы, принятые на трех Всероссийских миссионерских съездах, инициированных Православной Церковью в период с 1887 по 1897 г. По итогам первого съезда 25 мая 1888 г. Св. Синод утвердил «Правила об устройстве миссий и о способе действий миссионеров и пастырей Церкви по отношению к раскольникам и сектантам». Целью миссии являлась не только религиозная социализация паствы, включающая укрепление веры и формирование соответствующих поведенческих паттернов, но и объединение народов, инкорпорированных в состав Российской империи на рубеже XIX–XX вв. в процессе инкультурации и создания сплоченных территориальных общин вокруг православия. Для реализации данной цели приходские священники должны были демонстрировать «нравственнопопечительское и всегда участливое отношение... к пастве, внимательно относиться к нравственным и духовным проблемам людей и поддерживать богослужебную дисциплину на своем приходе» (Правила об устройстве миссий, 1904, 630).

Немного ранее начался процесс привлечения православного духовенства и мирян, состоящих в различных братствах, в сферу образования и просвещения, поскольку в соответствии с «Положением о начальных народных училищах» от 14 июля 1864 г. все школы (как системы народного просвещения, так и духовного ведомства) поступали под пастырскую опеку духовенства. Епархиальным архиереям предписывалось принять непосредственное участие в деятельности начальных учебных заведений — войти в состав училищных советов. На священников, в свою очередь, ложилась обязанность контроля воспитательного процесса и приобщение учащихся к традициям православия (см. об этом: [Иванов, Молякова, 2011, 73]). Также духовенство должно было создавать «в местах, зараженных расколом и где развивается сектантство, церковноприходские школы и школы грамоты, распространяя в народе грамотность, делая обучающихся в них детей более способными к усвоению духа Православной церкви и к сознательному участию в церковном богослужении» (Правила об устройстве миссий, 1904, 631).

Регламентация социальной деятельности церковных учреждений велась не только со стороны государства, отдельные распоряжения издавались также епархиальным

руководством. Они публиковались в официальном печатном органе, существовавшем в каждой епархии России кон. XIX в., — «Епархиальных ведомостях». Локальные акты исходили со стороны правящего архиерея, который принимал решения по тем или иным вопросам в результате рассмотрения представлений со стороны духовной консистории, благочинных и настоятелей приходов.

По благословению правящих архиереев, в частности, во 2-й пол. XIX в. создавались многочисленные общества трезвости. Первое общество трезвости в России — «Воздержанность», возникло в конце 1858 г. в Ковенской губернии [Русский вестник, 1859, 235]. В 1859 г. общества трезвости формируются при церковных приходах и в формате частных собраний в Орловской губернии. В 1874 г. аналогичная инициатива была реализована в селе Дейкаловка Полтавской губернии. Через несколько десятилетий, к 1900 г., общее количество обществ трезвости достигло 461, а уже к 1910 г. возросло до 1767 и вскоре превысило 2000, причем из них лишь около 100 были светскими организациями, остальные — православными [Афанасьев].

Другой формой церковного общественного служения стали дома трудолюбия. Первый из них по инициативе св. прав. Иоанна Кронштадтского появился еще в 1882 г. и существенно отличался от других типов приютов и богаделен, поскольку функционировал на принципе найма и не являлся карательным учреждением, как работные дома, создававшиеся еще в период правления Екатерины II по всей России³. Нуждающимся людям предоставлялась оплачиваемая работа, а также проживание, питание, медицинское обслуживание. Для неимущих детей и взрослых открывалась возможность получения профессионального образования. Святой праведный Иоанн Кронштадтский прекрасно обустроил четырехэтажное здание, в котором размещались сироты и пожилые инвалиды, бездомные и женщины в кризисной ситуации. Здесь трудились до 25 тыс. человек ежегодно, а получать начальное образование могли 300 детей.

Вскоре примеру батюшки Иоанна Кронштадтского последовали многие общины. Организации домов трудолюбия способствовало и созданное в 1895 г. императрицей Александрой Федоровной Попечительство о домах трудолюбия и работных домах (в дальнейшем — Попечительство о трудовой помощи), разработавшее устав для своих последователей и всесторонне поддерживавшее их инициативы. В результате в 1911 г. в России было уже 253 подобных благотворительных организаций, а число опекаемых ими людей составляло более 20 тысяч человек. Организации содержали «110 домов трудолюбия, 26 школ, 46 Ольгинских приютов, 38 богаделен, 181 учебную мастерскую, 7 дешевых и даровых квартир, 34 дневных убежищ для детей, 67 приютов для детей, 22 детских яслей, 3 магазина, 40 ночлежных домов, 3 пекарни, 52 дешевых и бесплатных столовых-чайных, 13 амбулаторий и санаторий, 11 библиотек-читален, 20 контор для указания работы и т. п. учреждений, 2 временных убежища для ищущих труда, 3 трудовых артели, 3 типографии, 8 трудовых пунктов, 2 детские колонии сельскохозяйственной трудовой колонии, кассы трудовой помощи, бюро газетных вырезок, конторы для раздачи женщинам работ на дом, 2 детских сада, 2 патроната и 2 прачечные» (Указатель учреждений трудовой помощи, 1913, 13).

Далее, помимо собственной социально ориентированной деятельности некоторые церковные учреждения активно взаимодействовали с государством в деле общественного призрения, чему способствовали и принимаемые законодательные меры. Так, после утверждения императором Александром II земской реформы (1 января 1864 г.) в «Положении о земских учреждениях» в гл. 1, подп. IV указывается, что в ведение земств входит «заведывание земскими благотворительными заведениями и прочие меры призрения; способы прекращения нищеты; попечение о построении церквей» (Положение, 1864), что на практике означало сотрудничество с церковными структурами.

Несмотря на достаточно пространную формулировку, благодаря наличию указанного документа у Церкви появлялись возможности к более продуктивной социальной

³ В рабочих домах труд был обязательным, так как являлся наказанием для заключенных и «молодых ленивцев», просящих милостыню (ПСЗРИ 20). Располагались такие дома при тюрьмах, а первый подобный дом был переоборудован в тюрьму «Матросская тишина».

деятельности за счет различных дотаций, причем не только финансовых. Региональные меры поддержки церковных инициатив в социальной сфере приобретали важное значение, поскольку церковные приходы и монастыри на протяжении XIX — нач. XX в. имели множество финансовых обязательств, де-факто — налогов, которые выполнялись за счет различных сборов. Средства изыскивались на различные нужды, в зависимости от той или иной ситуации. Всего во 2-й пол. 1890-х гг. насчитывалось более 50 различных сборов, как общецерковных, так и региональных (см. подр.: [Беглов, 2014, 58–59]). Очевидно, что при такой налоговой нагрузке на приход социальные инициативы становились попросту невозможны. К тому же начиная с 1808 г. у приходских общин был изъят едва ли не основной источник доходов — свечной сбор. Вся выручка от продажи восковых свечей направлялась в духовные консистории, которые, в свою очередь, перечисляли их в Комиссию духовных училищ. Конечно, большая финансовая обязанность приходов и духовенства в целом тормозила процесс внедрения различных социальных проектов.

Наравне с новыми формами церковных благотворительных учреждений продолжали функционировать приюты, богадельни, ночлежные дома при приходах и монастырях. Посмотрим статистику за 1905–1907 гг. 1905 г.: приходских больниц — 62, богаделен — 879; 1906 г. — 58 больниц и 883 богадельни; 1907 г. — 64 больницы и 853 богадельни (Всепопданнейший отчет, 1910, 99). Приведенные цифры свидетельствуют об относительном постоянстве общего количества приходских социальных учреждений. Причем уже в 1909–1911 гг. можно наблюдать рост приходских богаделен: 1909 г.: 58 больниц и 933 богадельни (Всепопданнейший отчет, 1911, 102); 1911 г.: 64 больницы и 948 богаделен. Добавим к этому 238 монастырских больниц и 162 монастырские богадельни (Всепопданнейший отчет, 1913, 36). Большинство заштатных монастырей не имело возможности содержать собственные социальные учреждения, и основная социальная нагрузка ложилась на приходы и сестричества. И дело здесь не только в больших финансовых возможностях последних, а в выбранной направленности их деятельности.

С началом Первой мировой войны активизировалась деятельность Православной Церкви в сфере общественного патриотического просвещения и помощи пострадавшим в результате боевых действий. Определением Священного Синода от 03.09.1914 г. епархиальным преосвященным было предписано «...призвать вверенное им духовенство к оказанию в возможно-широких размерах помощи раненым воинам во время следования их с места военных действий <...> присылкою белья и других предметов, для раздачи раненым, и вообще материальною помощью» (Всепопданнейший отчет, 1916, 19). Распространялись печатные материалы: Евангелие на русском языке в небольшом формате, «Собрание молитв для употребления воинами во время похода и в больницах», «Краткий молитвенник для православных воинов», «Молитвенная памятка воину, идущему на поле брани», «Молитвослов для мирян», «Краткий молитвослов», «Сборник молитв на всякий час потребных», акафисты, жития святых и пр. богослужебная и духовно-нравственная литература (Всепопданнейший отчет, 1916, 19–20).

Помимо сбора денежных средств и предметов индивидуального пользования, осуществлялась непосредственная помощь воинам. Так, в Петрограде был организован Алексеевский синодальный лазарет на 100 койко-мест в здании, которое принадлежало ведомству Православного исповедания. Содержание осуществлялось из средств жалованья, получаемого членами Св. Синода и работниками центрального аппарата ведомства, которые перечисляли 2% от своего месячного содержания (Всепопданнейший отчет, 1916, 21–22). На местах не только активно шла работа по изысканию денежных средств, но добровольно мобилизовались лица из числа монашествующих для помощи в проведении различных сельскохозяйственных работ. К примеру, в Вологодской епархии в августе 1914 г. от женского Крестовоздвиженского монастыря Яренского уезда 9 послушниц были отправлены для помощи в уборочной кампании семьям солдат (Вологодские епархиальные ведомости, 1914).

Подводя итог обозрению истории организационно-правового регулирования деятельности церковных социальных учреждений в XVIII — нач. XX вв., отметим,

что появление новых форм церковных учреждений и направлений церковной социальной помощи преимущественно происходило в условиях протектората светской власти. Такое положение дел имело как положительное, так и негативное влияние на характер реализации церковных благотворительных проектов. С одной стороны, в распоряжении Церкви имелся ряд возможностей, предоставляемых статусом православия как государственного исповедания Российской империи. С другой стороны, развитие социальной церковной инфраструктуры стагнировалось применением доминирующего административно-командного принципа, что означало наличие целого ряда запретов и излишнюю бюрократизацию, существенно замедляющую появление церковных инициатив в сфере социального служения населению. Отметим, правда, увеличение в период Первой мировой войны государственной поддержки церковных инициатив по обеспечению фронта и тыла необходимыми ресурсами и кадрами. Однако данные действия уже не могли всерьез повлиять на сложившуюся систему социально-правового регулирования благотворительной деятельности церковных учреждений. И после Февральской и Октябрьской революций 1917 г. советское государство одним из первых актов упразднило общественные добровольческие объединения христианского характера и все церковные социально ориентированные учреждения.

Источники и литература

Источники

1. Всеподданнейший отчет (1910) — Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1905–1907 годы. СПб.: Синодальная тип., 1910.
2. Всеподданнейший отчет (1911) — Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1908–1909 годы. Приложения. СПб.: Синодальная тип., 1911.
3. Всеподданнейший отчет (1913) — Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1911–1912 годы. Приложения. СПб.: Синодальная тип., 1913.
4. Всеподданнейший отчет (1914) — Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1914 год. Пг.: Синодальная тип., 1916.
5. Вологодские епархиальные ведомости (1914) — Вологодские епархиальные ведомости. 1914. 1 декабря. № 23. URL: https://www.booksite.ru/vev/1914/1914_23.pdf (дата обращения: 22.11.2024).
6. Извлечение (1872) — Содействие женских монастырей и общин делу образования дочерей духовенства // Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1871 год. СПб.: Синодальная тип., 1872. С. 168–170.
7. Полное собрание постановлений и распоряжений: № 167 (1910) — Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование государыни императрицы Екатерины Второй. Т. 1: 1762–1772 гг. СПб.: Синодальная тип., 1910. № 167. П. 20. С. 192.
8. Полное собрание постановлений и распоряжений: № 250 (1910) — Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование государыни императрицы Екатерины Второй. Т. 1: 1762–1772 гг. СПб.: Синодальная тип., 1910. № 250. С. 293.
9. Положение (1864) — Положение о губернских и уездных земских учреждениях 1864 г. URL: <http://музейреформ.рф/node/13687> (дата обращения: 21.11.2024).

10. Правила об устройстве миссий (1904) — Правила об устройстве миссий и о способе действии миссионеров и пастырей Церкви по отношению к раскольникам и сектантам», определение Святейшего Синода от 25 мая 1888 года, № 1116 // Миссионерский Спутник. Настольная справочная книжка по расколосектоведению и миссионерству / Под ред. В. М. Скворцова. [Б. м.,] 1904.

11. ПСЗРИ 20 — Полное собрание законов Российской империи. [Собрание 1-е. С 1649 по 12 декабря 1825 г.]. СПб.: Тип. 2-го Отд. собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. Т. 20: 1775 по 1780. № 14357.

12. ПСЗРИ 24 — Полное собрание законов Российской империи. [Собрание 1-е. С 1649 по 12 декабря 1825 г.]. СПб.: Тип. 2-го Отд. собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. Т. 24: с 6 ноября 1796 по 1798. № 18273.

13. ПСЗРИ 49 — Полное собрание законов Российской империи. Т. 49. Отд. первое: 1864 г. От № 40457–41518. URL: <https://www.prlib.ru/item/358495> (дата обращения: 21.11.2024).

14. Указ именной (1701) — Указ Именной «Об определении в домах Святейшего Патриарха богадельни нищих, больных и престарелых» от 8 июня 1701. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 г. Т. IV: 1700–1712. СПб.: Тип. II Отд. собственной Е. И. В. канцелярии, 1830. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/182-t-4-1700-1712-1830#mode/inspect/page/172/zoom/4> (дата обращения: 20.11.2024).

15. Указатель учреждений трудовой помощи (1913) — Указатель учреждений трудовой помощи на 1913 г. / Сост. под августейш. покровительством ее имп. величества государыни имп. Александры Феодоровны Попечительство о тр. помощи. СПб.: Фототип. и тип. А. Ф. Дресслера, 1913.

16. Циркулярные указы (1901) — Циркулярные указы Святейшего правительствующего синода 1867–1900 гг. / Собр. и изд. А. Завьялов, секр. Святейшего синода. СПб.: И. Л. Тузов, 1901. № 11.

Литература

17. Астэр (2009) — *Астэр И. В.* Современное русское православное монашество как социкультурный феномен: Дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. СПб., 2009.

18. Афанасьев — *Афанасьев А. Л.* Трезвенное движение в России в период мирного развития: 1907–1914 годы. Опыт оздоровления общества. URL: <http://literatura.tvereza.info/01/Afanasyev/td1907-1914.html> (дата обращения: 07.12.2024).

19. Беглов (2014) — *Беглов А. Л.* Православный приход Российской империи как объект фискальной политики светских и церковных властей к конце XIX — начале XX в. // Вестник ПСТГУ. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. 2014. № 2 (57). С. 58–59.

20. Беликов (1875) — *Беликов П. В.* Отношение государственной власти к Церкви и духовенству в царствование Екатерины II // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. М., 1875. № 7. С. 751.

21. Волчков (1880) — *Волчков В.* Руководство для крестьян: Сборник действующих узаконений, касающихся общественного их управления и обязанностей сельских и волостных должностных лиц и нижних чинов уездной полиции. М.: Тип. М. Н. Лаврова и Ко, 1880.

22. Законодательство Петра I (2014) — О звании монашеском, об определении в монастыри отставных солдат и об учреждении семинарии и госпиталей: Именной указ, данный Синоду, № 4450 от 31 января 1724 г. // Законодательство Петра I. 1696–1725 годы. М., 2014.

23. Зверинский (1881) — *Зверинский В. В.* Монастыри в Российской империи. СПб.: Изд-во Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел Российской империи, 1887.

24. Иванов, Монаякова (2011) — *Иванов А. Ю., Монаякова О. А.* Церковно-приходские попечительства и начальное народное образование в России в 1864–1914 годах // Вестник ТвГУ. 2011. № 4. С. 73.

25. Милютин (1862) — *Милютин В.* О недвижимых имуществах духовенства в России. М., 1862.

26. Феофан Прокопович (1721) — *Феофан (Прокопович), архиеп.* Духовный регламент 1721 г. URL: <https://drevo-info.ru/articles/26566.html> (дата обращения: 21.11.2024).